

ПОСТСКРИПТУМ НА «ВЕК СИБИРИ»: ОТВЕТ АЛЕКСЕЮ СУШКО¹

Статья содержит ответ на критический комментарий Алексея Сушко к переводу отдельной главы из книги американского антрополога, историка и политолога Петра Ельцова «Длинная телеграмма 2: нео-кеннанитский подход к России». Отвечая на замечания Алексея Сушко, автор дополнительно поясняет некоторые ключевые идеи своей книги.

Ключевые слова: международные отношения, «холодная война», США, Россия, В. В. Путин, путинизм, идентичность, авторитаризм, Сибирь.

Прежде всего, я хотел бы выразить огромную и искреннюю благодарность профессору Алексею Сушко и редколлегии журнала «Омский научный вестник». Серия «Общество. История. Современность» за интерес к моим интеллектуальным изысканиям. Я особенно тронут тем, что журнал предоставил мне слово, опубликовав перевод одной из заключительных глав моей книги, и дал возможность ответить на обширную рецензию Алексея Сушко. Я ограничусь несколькими комментариями, поясняющими и уточняющими мою позицию по основным вопросам.

О монархии или автократии. Да, наверное, для России это была и есть самая эффективная система, несмотря на формальную смену названия формы правления. Это отнюдь не означает, что я ей симпатизирую. Ни в коей мере. Я, как врач, ставлю диагноз. Один из моих основных тезисов заключается в том, что при демократическом строе Россия распадется, и произойдет это прежде всего потому, что в колонизированных ею регионах — как среди национальных меньшинств, так и среди русских — существуют свои собственные локальные идентичности.

Об институтах власти. В России они никогда не были так слабы. В книге я ошибся, предсказав, что Владимир Путин захочет передать власть наследнику в 2024 году. Теперь поправки к Конституции позволят ему оставаться у власти до 2036 года. Это только подтверждает мой тезис о том, что сегодняшняя Россия зиждется на Путине.

Алексей Сушко считает, что «современная Россия не имеет вселенских амбиций». С этим сложно согласиться. Вмешательство российского государства в гражданскую войну в Украине, Сирии, и Ливии, а также гибридные атаки на западные демократии — тому прямое свидетельство. Владислав Сурков прямо утверждает, что у путинизма есть глобальный аспект. «Чужеземные политики приписывают России вмешательство в выборы и референдумы по всей планете. В действительности, дело еще серьезнее — Россия вмешивается в их мозг, и они не знают, что делать с собственным измененным сознанием» — пишет Сурков в своем эссе о путинизме. Он в какой-то степени прав. Новые глобальные устремления России сводятся к поддержанию авторитарных и популистских движений во всём мире, причем как правых, так и левых, сеюших раздрой в демократических обществах.

К вопросу об идеологии. Алексей Сушко пишет, что она стране необходима. На это есть разные точки зрения. Многое зависит от определения идеологии, а это — отдельный и долгий разговор. В отличие от автократий, в демократических государствах официальных идеологий обычно нет, но, безусловно, есть основополагающие принципы и идеи, которые при определённых условиях можно объединять в идеологии. Есть также концепции, которые определяют внешнюю и внутреннюю политику на годы. Например, в США идеи американской исключительности («город на холме» Джона Уинтропа, «очевидное предназначение» Джона О'Салливана, а также недавняя политика гуманитарных интервенций, проводимая как республиканцами, так и демократами)², безусловно, можно рассматривать как идеологии или даже составляющие одной макроидеологии.

Правильно было бы утверждать, что сложных обществ без идеологий вообще не существует, даже в предгосударственных структурах, не говоря уже о государствах и империях. Даже кажущееся отсутствие идеологии — например, невероятная терпимость или беспринципная клептократия — тоже могут рассматриваться как своего рода идеологии. Другой вопрос, что насаждение одной твердо очерченной идеологии ведет, как правило, к авторитаризму или даже фашизму. Так как в книге я утверждаю, что в настоящих границах Россия может существовать только как авторитарная империя, наверное, надо согласиться с Алексеем Сушко в том, что, если целью является сохранение империи, ей, безусловно, необходима идеология, притом авторитарная. Если же граждане России захотели бы жить при демократии, надо было бы примириться с тем, что для этого придётся похоронить империю, отпустив колонии. В Кремле, по-моему, это понимают и работают над созданием авторитарной идеологии: распада России там, естественно, не хотят ни при каких условиях и очень этого боятся — иначе зачем включать в Конституцию слова о неделимости России и принимать уголовные законы за призывы к сепаратизму? В США, к слову, такие призывы вполне приемлемы.

В книге я утверждаю, что российские правящие круги неофициально, но вполне очевидно насаждают идеи евразийства и четвертой политической теории Александра Дугина. Очевидно также, что

в Кремле взяли на щит и идеи таких ультраконсервативных философов, как Константин Леонтьев и Иван Ильин. В книге я пишу об обоих, делая акцент на Ильине, который открыто защищал фашизм перед войной и «с пониманием» относился к нему после нее. Российские власти перезахоронили прах Ильина в Донском монастыре под патронатом Кремля и Русской православной церкви. Стоит заметить, что эти же власти не промолвили ни слова, когда Таджикистан предпринял попытку объявить арийство своей официальной идеологией или когда степенный государственный муж и внук кровавого наркома Молотова Вячеслав Никонов объявил русских потомками арийцев.

Теперь о Второй мировой войне как об идеологической скрепе, которая в российской историографии и идеологии часто отождествляется с Великой Отечественной войной, приводя к подмене понятий. Ничуть не преуменьшая героическую роль народов Советского Союза в победе над фашизмом, сложно не признать, что сегодняшние действия Кремля имеют циничный оттенок. В книге я отмечаю, что долгие годы после войны 9 мая отнюдь не был днем широкомасштабных официальных торжеств. Советское руководство побаивалось ветеранов, чья горькая солдатская правда отличалась от кремлёвской кривды. Сегодня победу превратили в бряцание оружием и всенародный квазикрестный ход. Причины этого, на мой взгляд, кроются в неуверенности в себе и страхе перед остальным миром (важность этих двух факторов подчеркивал Кеннан), а также — и это самое главное — в отсутствии единой национальной идентичности, о чем я и пишу в книге.

Я не сомневаюсь, что многие российские граждане участвуют в акции «Бессмертный полк» добровольно и искренне, причем со слезами на глазах и комком в горле. Других причин для всенародного единения в сегодняшней России катастрофически мало. Однако одной великой войной — притом в крайне односторонней её интерпретации — идентичность народа не создать. Никуда России не деться от того факта, что во многих странах Европы на неё не смотрят как на освободительницу. Как на победительницу — да, но на освободительницу — нет. И вина за это лежит не на вымышленной пропаганде Запада, а на конкретных деяниях российского государства. А ведь были же войны, за которые целые народы благодарны России, как, например, Болгария и Сербия — за Русско-Турецкую войну 1877—1878 гг. И учат по сей день школьники в этих странах, что Россия освободила их от турецкого владычества. В Польше и странах Балтии этого не будет никогда.

Пересмотрел на днях во время изоляции из-за всемирной пандемии два совершенно чудесных фильма: «Летят Журавли» Михаила Калатозова и «Балладу о Солдате» Григория Чухрая. Слезы на глазах наворачивались и у меня, и у моей 16-летней дочки, которая не знает русского языка и смотрела эти фильмы с английскими субтитрами. Есть ли сегодня такие тонкие, пронзительные, и честные фильмы о той великой и ужасной войне? К сожалению, нет. В последние годы мы наблюдаем нечто совсем иное: например, попытки байкерской группировки под названием «Ночные волки» устроить Европу или лозунги типа «Можем повторить!» и «На Берлин!»

Тем временем в кремлевской пропаганде пакт Молотова-Риббентропа представляется сегодня

чуть ли не как абсолютно оправданный шаг, а роль союзников в победе преуменьшается. Такая риторика не просто шапкозакидательская, но и откровенно лживая. Даже бывшие советские руководители так не думали. Во-первых, после войны они скрывали детали пакта Молотова-Риббентропа, потому что не хотелось объяснять советским гражданам, почему Сталин был союзником Гитлера на протяжении почти двух лет, раздирая на пару с ним Европу. Во-вторых, лидеры СССР понимали, какую роль американцы сыграли на пути к победе. В книге я привожу цитаты из мемуаров Никиты Хрущева, где он свидетельствует, что Сталин после войны, в узком кругу, неоднократно утверждал, что без США (заметьте, без США, а не без союзников в целом) СССР бы войну проиграл. Хрущёв с этим утверждением соглашается, приводя развернутые аргументы. Американские элиты тоже всегда понимали роль СССР в той войне. Джон Кеннеди в своей знаменитой речи в Американском университете 10 июня 1963 г. однозначно констатировал, что ни один народ в мире никогда «не пострадал больше, чем Советский Союз, — во Второй мировой войне».

Но дело не только во Второй мировой войне. В наши дни практически все войны России представляются в российских средствах массовой информации как справедливые со стороны России, что опять же указывает на ту неуверенность в себе и страх перед миром, о которых писал Кеннан. В современной России эти тенденции выражены даже сильнее, чем в послевоенном СССР. Сильным духом не страшно каяться в ошибках и преступлениях. Даже советская власть стыдилась некоторых своих войн. Например, война с Финляндией 1939—1940 гг. в постсталинский период замалчивалась. Очевидно, что советским идеологам не хотелось оправдывать эту позорную и, по большому счёту, проигранную Советским Союзом войну. Теперь же Владимир Путин говорит о ней с «пониманием». То же самое можно услышать по российским каналам о советско-афганской войне и даже о жутком расстреле сталинским НКВД тысяч поляков в Катыне.

Зачем нужна вся эта милитаристская бравада? Для национальной идентичности или, скорее, великорусского шовинизма (прямо по Ильичу)? Грош цена идентичности, построенной на бесконечных имперских войнах. Полифония исторических интерпретаций, включая и те, которые делают акцент на критической самооценке и искреннем покаянии (не самобичевании!), жизненно необходима здоровому обществу. Михаил Бахтин писал о многоголосье в литературе, а оно также необходимо истории. Правда всегда где-то посередине, именно в том самом многоголосье, и поэтому не должно быть единых учебников по истории — особенно по такому сложному вопросу, как Вторая мировая война.

Теперь несколько слов, как правильно отметил Алексей Сушко, о главном — об идентичности. Национальная политика царей и большевиков не оставила почти никаких шансов для формирования всеобъемлющего этнонима для всех граждан России в настоящих границах. Слово «русский» имеет этническую, а подчас и расистскую коннотацию. Ни чеченцы, ни ингуши, ни татары никогда не будут называть и считать себя русскими. А русские всегда относились и относятся к другим национальностям России как к гражданам второго сорта, «гостям столицы», «лицам кавказской национальности» и так далее — не хочется употреблять более сильных слов

в профессиональной публикации. Примечательно, что выходцев с российского Кавказа называют русскими только в террористических организациях Ближнего Востока, потому что они говорят друг с другом по-русски, если принадлежат к различным национальностям.

Так что я не представляю, как Россия может создать общую «русскую» идентичность, о которой говорит Алексей Сушко. Под руководством русских и русской культуры можно только сохранять империю под лозунгом царского министра Сергея Уварова: «Православие, самодержавие, народность» — лозунгом, сформулированным, к слову сказать, в противовес бессмертному девизу французской революции — «Свобода, равенство, братство». Народность, естественно, подразумевала ведущую роль языка и культуры русских. Следуя этой логике, неплохо было бы определить, что такое «русские» и «русская культура». Вообще, возможно ли это? Ведь для Петра Чаадаева и Федора Тютчева, а сегодня, скажем, для Никиты Михалкова и Виктора Шендеровича определения этих необъятных понятий кардинально противоположны. Лейтмотив моей книги — живучесть уваровской триады в России, где и сегодня она активно используется кремлевскими идеологами. Не важно, делается ли это осознанно или неосознанно, важно, что делается — последовательно и с дотошностью.

Но не стоит заблуждаться. Народы России, включая русских на Урале и в Сибири, никогда не забудут о своих обидах на метрополию и устремлениях к независимости. Выдающийся сибиряк Николай Ядринцев прекрасно описал это в книге «Сибирь как колония». А в Татарстане по сей день оплакивают завоевание Казани Иваном Грозным.

Великий русский гуманист Лев Толстой предвещал, что Россия в ее многонациональном составе «есть случайное, временное явление, обуславливающее в прошедшем целым рядом исторических событий, преимущественно насилий, несправедливостей и жестокостей». Эти слова актуальны сегодня как никогда. Только царский сапог и кнут способны сохранять постсоветскую Россию в ее границах в наши дни. Владимир Путин делает это в лучших традициях Ивана Грозного и Иосифа Сталина. Но в современном мире это долго не протянется.

Россия и сегодня остается империей. Татарстан, Северный Кавказ и даже Сибирь — что ни на есть самые настоящие колонии. О чём можно говорить, если до конца XIX века в Сибири не было ни одного университета, чем справедливо возмущались сибирские сепаратисты 1860-х годов. Так что демократия и Россия-империя — «две вещи несовместные». Только появление новых государств на территории России может привести к новым политическим системам — возможно, демократическим и экономически стабильным, а возможно, и нет. Призраки популизма и национализма бродят в наши дни по миру.

Примечания

¹Точка зрения автора не совпадает с мнением редакции журнала (примечание редакции).

²Началом концепции «города на холме» («a city upon a hill») обычно считается проповедь Джона Уинтропа «Образец

христианского милосердия» («A Model of Christian Charity»), в которой этот знаменитый юрист-пуританец, один из основоположников Колонии Массачусетского залива, предрек, что американские колонисты будут подобны «городу на холме» и «взоры всех народов будут устремлены» на них. Термин «очевидное предназначение» («manifest destiny») происходит из эссе 1845 года Джона О'Салливана под названием «Аннексия», в котором этот известный американский журналист призвал США присоединить Техас, утверждая что заселение «континента, предназначенного провидением для свободного развития» американцев, есть «очевидное предназначение» (можно также перевести как «судьба») его страны. Концепция Американских интервенций во имя демократии восходит к призыву президента Вудро Вильсона «сделать мир безопасным для демократии» в его речи к Конгрессу от 2 апреля 1917, в которой он просит разрешения вступить в Первую мировую войну. Безусловно, в американской истории было множество других подобных идей. Их все можно объединить в идеологию американской исключительности. И, конечно же, существует огромное количество литературы, посвященной этой теме. В этой связи можно отметить недавно изданный четырехтомный сборник источников — Timothy Roberts and Lindsay DiCuirci (Eds.). *American Exceptionalism*. London: Pickering and Chatto, 2013. Представляет интерес исследовательская работа, написанная в положительном тоне, — Frank J. Lechner. *The American Exception*. New York: Palgrave Macmillan, 2017. Также об этом существует много резко критических работ, написанных в самой же Америке. Достаточно прочесть знаменитую историю США Говарда Зинна, изданную огромными тиражами и продающуюся практически в каждом книжном магазине США (Howard Zinn. *A People's History of the United States*. New York: Harper & Row, 1980). Также в этом отношении примечательно следующее исследование: Thomas R. Hietala. *Manifest Design: American Exceptionalism and Empire*. Ithaca: Cornell University Press, 2003. [1–5] (прим автора).

Библиографический список

1. *American Exceptionalism* / Eds. Timothy R., DiCuirci L. London: Pickering & Chatto, 2013. 1425 p.
2. Lechner Frank J. *The American Exception*. In 2 vols. NY: Palgrave Macmillan, 2017. Vol. 1. 253 p. ISBN 978-1-137-58716-9; 978-1-137-58717-6. DOI: 10.1057/978-1-137-58717-6.
3. Lechner Frank J. *The American Exception*. In 2 vols. NY: Palgrave Macmillan 2017. Vol. 2. 239 p. ISBN 978-1-137-58719-0; 978-1-137-58720-6. DOI: 10.1057/978-1-137-58720-6.
4. Zinn H. *A People's History of the United States*. NY: Harper & Row, 1980. 614 p. ISBN 0-06-014803-9.
5. Thomas R. Hietala. *Manifest Design: American Exceptionalism and Empire*. Ithaca; NY; London: Cornell University Press, 2003. 320 p. ISBN 0-8014-8846-X.

ЕЛЬЦОВ Петр Андреевич, PhD антропологии/археологии Гарвардского университета.

Адрес для переписки: eltsov@post.harvard.edu

Для цитирования

Ельцов П. А. Постскрипtum на «Век Сибири»: ответ Алексею Сушко // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, № 3. С. 72–75. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-3-72-75.

Статья поступила в редакцию 08.06.2020 г.

© П. А. Ельцов

POSTSCRIPT ON THE «SIBERIAN CENTURY»: RESPONSE TO ALEXEY SUSHKO

The article contains a reply to the critical comments by Alexey Sushko on the translation of the separate chapter from the book «Long Telegram 2: Neo-Kennanite Approach to Russia» by the American anthropologist, historian and political scientist Peter Eltsov. Replying to the comments of Alexey Sushko, the author additionally explains some key ideas of his book.

Keywords: international policy, Cold War, USA, Russia, V. V. Putin, Putinism, Identity, Authoritarianism, Siberia.

References

1. American Exceptionalism / Eds. Timothy R., DiCuirci L. London: Pickering & Chatto, 2013. 1425 p. (In Engl.).
2. Lechner Frank J. The American Exception. In 2 vols. NY: Palgrave Macmillan, 2017. Vol. 1. 253 p. ISBN 978-1-137-58716-9; 978-1-137-58717-6. DOI: 10.1057/978-1-137-58717-6. (In Engl.).
3. Lechner Frank J. The American Exception. In 2 vols. NY: Palgrave Macmillan 2017. Vol. 2. 239 p. ISBN 978-1-137-58719-0; 978-1-137-58720-6. DOI: 10.1057/978-1-137-58720-6. (In Engl.).
4. Zinn H. A People's History of the United States. NY: Harper & Row, 1980. 614 p. ISBN 0-06-014803-9. (In Engl.).
5. Thomas R. Hietala. Manifest Design: American Exceptionalism and Empire. Ithaca; NY; London: Cornell University Press, 2003. 320 p. ISBN 0-8014-8846-X. (In Engl.).

ELTSOV Peter Andreevich, PhD in Anthropology/
Archaeology (Harvard University)
Address for correspondence: eltsov@post.harvard.edu

For citations

Eltsov P. A. Postscript on the «Siberian Century»: response to Alexey Sushko // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2020. Vol. 5, no. 3. P. 72–75. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-3-72-75.

Received June 08, 2020.
© P. A. Eltsov